

ся, что нет, не мешало. Конечно, при определенном желании и подготовке оба приведенных случая можно истолковать в любом и даже противоположном смысле. Например, старушку изобразить растяпой, а мужичка—проходивцем. Народная фантазия и молва всегда отдавали предпочтение первому, а не второму способу изображения событий. Документальная верность при этом была вовсе не обязательной. Но, как я уже говорил, относительно сюжетных-то богатств сама жизнь успешно соперничает с народной и писательской фантазией.

Остаются втуне если не тысячи, то сотни, я бы сказал, первоочередных сюжетов, они прямо-таки валяются под ногами наших писателей и жанровых живописцев. А жизнь следует дальше, она уносит в прошлое эти сюжеты. О моей родине писал когда-то хороший писатель Александр Тарасов. (Он погиб на войне.) Это был действительно хороший писатель. Но сейчас сюжеты его рассказов и повестей меня, читателя, не устривают, он писал свои произведения не по главным, а по второстепенным сюжетам (я мог бы это легко доказать, сравнивая тарасовские сюжеты с теми, которые преобладали в 20-х годах на моей родине — в Харовском и Вожегодском районах нашей области). И самое интересное то, что писатель-то не виноват, у него не было ни временных, ни общественных возможностей, чтобы воплотить в своих произведениях именно то, о чем теперь мне, читателю, прочесть было бы просто необходимо. И тем не менее ничто в жизни не проходит бесследно — ни хорошее, ни плохое.

Народная память фиксирует все, что произошло или происходит. Мои земляки в деталях помнят единственное убийство в деревне, случившееся во время первых колхозных лет на почве любовной ревности...

Любовные, семейные и прочие сюжеты тесно переплетаются с сюжетами, так сказать, социально-общественными.

Межурская волость до революции была богаче нашей Сохотской. Больше пахотной земли, дома ядренее, народ красивей, породистей, и межурские девицы относились к нашим парням надменно и свысока. Они то и дело отказывали нашим женихам. Но вот пришел 29—30-й год, и многие наши второсортные холостяки без всяких затруднений начали высватывать лучших тамошних «славутниц». Не прозевали, изловили момент.

В начале тридцатых годов любовные сюжеты были одобрены появлением в наших краях красивых украинских девчат. (Здесь мне хочется привести один сюжет, но я берегу его для продолжения «Канунов».)

Великая Отечественная война за два-три года удвоила число неиспользованных сюжетов. Рассказ А. Толстого «Русский характер» представляется мне чуть-чуть неестественным. Платоновские рассказы о военной поре позаимствовали из жизненной, народной копилки лишь малую долю. Паустовский, кажется, вообще избегал в своем творчестве трагических сторон народной жизни. По-видимому, в будущем должен появиться (если уже не появился) писатель, способный написать рассказ или повесть, в основе которой... ну, например, конфликт между вернувшимися фронтовиками и вдовами погибших на фронте. А сколько в запасниках народной памяти сюжетов о председателях колхозов! (Но здесь речь уже о теме и литературных типах. Вернемся снова к сюжету.)

Председатель колхоза в 30-х годах и во время войны — фигура, вернее, должность, вполне трагическая. Вокруг этой должности, вокруг колхозной конторы сюжеты так прямо и вьются и гудят, подобно летним шмелям. Ошибочно думать, что этот гул затихает в послевоенные годы. Налоги, займы, МТС, укрупнения (неоднократное укрупнение хозяйств было очень похоже на то, что происходило осенью 29-го года), кукуруза, целина, перевод в совхозы, паспортизация, неперспективность. Каких только сюжетов не народилось вокруг всех этих явлений! Но писатели по-прежнему держали сюжет в черном теле. Чехов, Бунин, Пришвин открыли дорогу т. н. лирической, бессюжетной прозе. Моде на зарисовки, этюды, записки из блокнота не была, вероятно, случайной. Ведь существовал уже и бессюжетный роман. Даже в драматургии стало не обязательным выстраивать событийный ряд. Помнится, моя повесть «Плотничьи рассказы» заканчивалась известием о том, что Олеша Смолин умер. Авиер Козонков идет делать ему гроб и начинает делать на гвоздях, а не на шипах, как договаривались. Было первое апреля. «Покойник» в бешенстве вскакивает: «Мы как с тобой договаривались, мать-перемать!» Козонков оправдывается так: «А откуда я знал, что ты не взаправду умер?» Как будто если б Олеша умер взаправду, то он, Авиер, выполнил бы договор...

Александр Трифонович Твардовский, помнится, попросил меня изменить финальную часть повести, убрать этот первоапрельский розыгрыш. Я не посмел послушаться и убрал, хотя и до сих пор жалею об этом. Повесть и по сей день печатается без первоапрельской шутки. То, что такой случай в нашей деревне был в действительности, не убедило Твардовского.

Б. А. Бабочкин незадолго до смерти писал мне: «Времена сюжетной драматургии прошли...» (Речь шла о моей пьесе.)

От В. Шукшина я несколько раз слышал его отрицательные высказывания о сюжете. Но он говорил о сюжете как о литературном сюжете. Он яростно защищал свободную, раскованную бессюжетную форму. Но я-то знал, что сюжеты из жизни он любил и знал их немало. Почему-то он считал, что при создании рассказа сюжет мешает, становится условностью, ограничивает. Я не мог с этим согласиться, и мы спорили об этом несколько раз. Мне и до сих пор кажется, что сюжет вовсе не противоречит настроению, интонации, индивидуальному стилю, как и они, эти свойства лирической бессюжетной прозы, ничуть не вредят сюжету. Ориентация на бессюжетность очень выгодна бездарным драматургам и посредственным прозаикам. Под видом краткости они публикуют все свои блокнотные записки, ложная многосложность таких коротышек не всегда очевидна...

Нет, краткость краткости рознь. Видимо, существует некий объемный минимум для каждого из сюжетов, то количество слов, без коего сюжет так и останется сюжетом, не превратившись в рассказ. С другой стороны, сюжет может и раствориться, исчезнуть в бесконечном потоке слов, и тогда говорят, что проза водяниста, рассказ слишком растянут. Хороший новеллист интуитивно чувствует, каким по объему должно быть повествование по одному сюжету и каким по иному.

То же самое можно сказать об авторе повести, объединяющей, может быть, несколько отдельных сюжетов, и о романисте. Я до сих пор не знаю, что называют фабулой ученые-литературоведы. Но мне кажется, что она несет в себе начало, объединяющее и скрепляющее в единое художественное целое множество разноликих сюжетов. И в свою очередь способы этого объединения никто не считал, да и считать их невозможно, потому что способ этот каждый раз рождается заново.

Сюжеты, как и люди, умирают, уходят в прошлое. Произведению, написанному по свежим сюжетным следам, я, читатель, доверяю больше, чем историческому роману. Историческая художественная литература достаточно специфична, как специфична, например, научная фантастика. Реализм, наверное, легче всего дышится уже в прошлом, но в прошлом еще живом, не ошившем от новейших веяний. Лучше, если оно было пережито самим писателем. Но такие писатели, как Лев Толстой, легко оживляли время своих отцов и даже дедов. Они воспринимали и воспроизводили это время как свое собственное. «Война и мир» — прекрасное тому подтверждение.

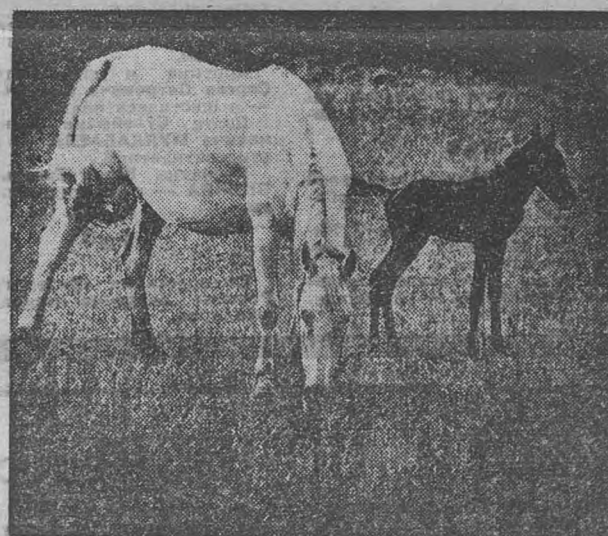
пять классов, работала на ферме. Дали Гришу комнату в бараке. Жили хорошо. Клава родила двух девочек. Гриша уговорил жену учиться в вечерней школе. Она окончила семь классов, потом заочно сельхозтехникум, и ее приняли на работу в районное сельхозуправление. Гриша работал уже на бумагоделательной машине. Деньги машинисты получали хорошие. Шли годы. Девочки учились уже в институте. Жили в благоустроенной квартире. Гриша стал замкнутым, а жена — властолюбивой. Уже не скажешь, что она была из деревни Гоголята. С мужем не считалась. А после того как она заявила: «Будем спать отдельно, вместе НЕГИГИЕНИЧНО (подчеркнуто Г. Квасовым. — В. Б.), в мою комнату ты должен входить только со стуком», — Гриша совсем перестал с ней разговаривать. Да почему-то и ей это было не нужно. И вот тут его потянуло в свою деревню, хотя матери уже не было, а отец погиб на войне. Но дом стоял, родные места были. Попросился у начальника цеха в совхоз. Жена ничего не сказала, взял с собой одежду, забрал все свои фотографии и уехал в Гоголяту. Вставил в доме окна, поправил забор. Работал в совхозе все лето и осень, на комплексе. Жена не приезжала, а дочери бывали. Он подружился с одной дояркой (черт знает, откуда ее занесло в эти края). Статная, здоровая, без Гриши не могла жить и часа. Он так и остался в своей деревне. А бывшую жену перевели в область. Одна дочка работает в селе врачом. Новая жена Гриши, когда ложится спать, кладет его к стенке, а сама с краю ложится. Когда остается один, он думает, по-

ВЗГЛЯД

Двое.

Фото В. ЛУГАНСКОГО, Н. КОКОШКИНА и ТАСС

Только ведь и скорость, с которой течет время, тоже меняется — осмелюсь сказать об этом вслух. Сюжеты быстро стареют, лишаются своей злободневности...

Основной сюжет в рассказе «Клавдия» я намеренно поместил, как говорится, на периферию, рассказ писался в неподходящих условиях. А сегодня никто даже не вспоминает обо всем этом...

60—70-е годы были отнюдь не бедными на сюжеты. Причем многие жизненные сюжеты оказались удивительно стойкими. Так, сюжет повести Валентина Распутина «Деньги для Марии» не исчез и не постарел. Он даже обогатился полновесной добавкой: теперь растрату в магазине сельпо обычно покрывают из колхозной кассы. На том, однако ж, условии, что продащица пойдет работать дояркой.

Геннадий Квасов из Соликамска прислал мне еще одно письмо. На одном из листов так прямо и было написано:

СЮЖЕТ

«Гриша из деревни Гоголята пришел из армии, устроился на бумкомбинат. Работал ружьиком. Жил в общежитии, через год женился на своей деревенской девушке — Клаве. Перед этим она окончила

чему так сложилась жизнь. Может, он в чем-то виноват? А недавно ему вручили орден Трудового Красного Знамени...»

Автор письма был опасно болен и просил посодействовать в том, чтобы его приняли в одном лечебном учреждении города Свердловска. Я обратился с письмом к свердловским медикам, мне никто ничего не ответил. Квасов после этого писал: «Был я в Перми, был в Горьком, был в Свердловске, и везде выписывают лекарства разные, и все они не подходят. От одного чуть не отравился, от других не отходит приступ, от третьих сердце начинает стучать с остановкой. Буду чего-то ждать».

Сюжеты Геннадия Квасова были обрамлены сюжетом, касающимся лично его. Быть может, так и создаются романы? Так или иначе, он давно не писал мне. «К Вам я, Василий Иванович, обращаться буду, только когда уж деваться некуда. Рука бы болела, я бы ее сам отрубил. Но болит голова, что с головой делать? И вид у меня стал, что знакомые не узнают. Да все писать и нельзя».

«Будем чего-то ждать». Чего же мы будем ждать? Нет, ждать чего-то нельзя, надо чего-то действовать. Надо писать, пока сюжет волнует тебя.

ВОЛОГДА